

ленность надежд на помощь латинян. После смерти Марка Евгеника он стал главой православной группировки.

Политические ориентации идейных лидеров последних десятилетий византийской истории не были однозначными и отнюдь не всегда были устойчивыми. Даже критическая ситуация, ставившая вопрос — быть или не быть империи,— не создала основы для консолидации сил. Во многом это было предопределено как особенностями социального развития Византии, так и очевидными сепаратистскими тенденциями в поведении правящих кругов. Народные массы империи, давно уже дезориентированные, имели определенную позицию только по вопросу об унии. Социально-политический опыт времени латинского владычества диктовал негативное отношение к латинянам.

Поздневизантийская политическая мысль на различных ее уровнях — политической теории, идеологии и конкретного понимания политической ситуации — в целом отражала реальные импульсы общественной жизни. Разумеется, она не всегда была адекватной объективным процессам общественного развития империи. Но по сравнению с другими сферами общественного сознания (социальные воззрения, философия, мораль и др.) политическая мысль быстрее и более гибко реагировала на события эпохи. Появление политических идеалов просвещенной монархии отражало те гуманистические тенденции, которые характерны для поздневизантийской культуры в целом. {279}

11

Некоторые особенности исторической мысли поздней Византии

Есть нечто знаменательное в том, что история возрождения Византийской империи после латинского завоевания в XIII в. была описана очевидцем событий Георгием Акрополитом столь сдержанно, без эмоций, лаконично и подчеркнуто отстраненно, словно речь шла не о восстановлении «богоизбранной империи», а о кратковременной реконсолидации территорий, переходивших от одного государства к другому. Действительно, начавшейся эпохе последнего взлета византийской цивилизации, называемой в науке Палеологовским возрождением, хронологически не было суждено продлиться многие столетия. Однако она стала одним из самых ярких периодов истории культуры. И это нашло особое преломление и в развитии исторической мысли.

Георгий Пахимер (1242—ок. 1310) принадлежал к поколению учеников Георгия Акрополита. Родившийся в Никее, он после 1261 г. переезжает в Константинополь, где получает прекрасное общее образование, включая, помимо философии и риторики, физику и математику. Как и его учитель, Пахимер обратился к рассказу о событиях, современником которых он был, создав памятник полумемуарного, полумонументально-историографического типа. Своей «Историей», охватившей период примерно с 1260 до 1308 г., Пахимер продолжал Хронику Георгия Акрополита, описав правление первых двух императоров из династии Палеологов (повествование о последних годах правления Ласкарисов носит характер предыстории, необходимой для пояснения последующих событий). Как и Акрополит, Пахимер не был автором единственного (исторического) произведения, и его творчество отнюдь не исчерпывается историографическим трудом: важное место в истории византийской культуры занимают его философские, риторические и правовые сочинения.

Однако, несмотря на многочисленные черты сходства двух крупнейших историков XIII в., внутренний смысл их историографических произведений во многом различен. Прежде всего, жизнь каждого, из них протекала в разных социальных кругах: ставший в конце концов великим логофетом Акрополит всю свою сознательную жизнь провел при императорском дворе, в кругу крупных государственных чиновников; Пахимер же был прежде всего духовным лицом, принадлежа к клиру патриархата. Этим объясняется его живой интерес к церковно-политическим и догматическим спорам, столь резко обострившимся в первые годы возродив-